

ОТБЛЕСКИ ЭТЕРНЫ

КРАСНОЕ
НА КРАСНОМ

ОТ ВОЙНЫ
ДО ВОЙНЫ

ЛИК
ПОБЕДЫ

ВЕРА КАМША

ЛИК
ПОБЕДЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

Художественное оформление серии *Елены Куликовой*

В оформлении переплета и блока использованы иллюстрации
Оксаны Санжаровой

Камша, Вера Викторовна.

К18 Лик Победы / Вера Камша. — Москва : Эксмо, 2026. — 832 с.

ISBN 978-5-04-156900-6

Победа... Поражение... Порой их так трудно различить. Кто-то торжествует, кто-то проклинает, кто-то меняет сторону, кто-то не понимает, как подобное могло произойти и почему именно с ним. Ужас в глазах приговоренных, счастье на лице палача, вылетевший из неистового света черный всадник, свист сабли и смерть.

Поражение... победа... Кто-то, взглянув им в лицо, остается человеком, кто-то перестает им быть. Чего стоит уже оказанная услуга? Вырванное силой отречение? Данная сгоряча клятва, верность, дружба, любовь?

Мятеж может кончиться удачей, а удача списывает все долги, победителей не судят, победители получают все, что хотят... или все, что заслужили? Трещат под ударами таранов корабельные борта, мчится сквозь роковую ночь загадочная Охота, предвещают неизбежность скрипки. В поддельных цветах и поддельных клятвах прячется смерть, она готова ужалить. Она ужалит.

Победа... Поражение... Порой они меняются местами. Кто останется человеком, кто вообще останется?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Камша В.В., текст, 2026
ISBN 978-5-04-156900-6 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Автор благодарит за оказанную помощь

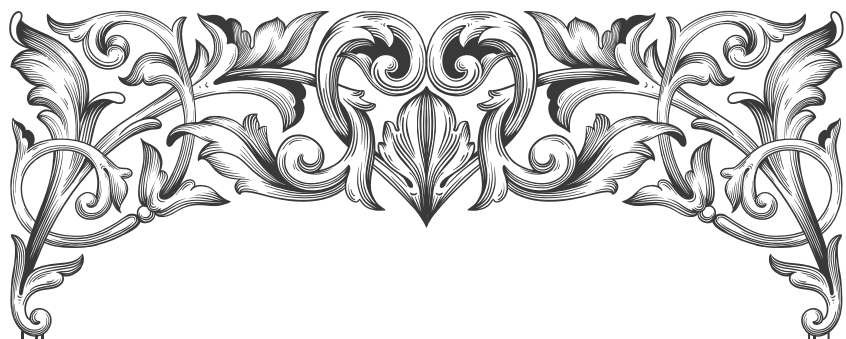
Александра Бурдакова, Георгия Виноградова, Ирину Гейнц, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Александра Куцаева, Константина Линника, Даниила Мелинца, Юрия Нерсесова, Артема Хачатурянца, Елену Цыганову

Во время войн спартанцы носят
одежды красного цвета... Если
кто из спартанцев бывает ранен,
врагам этого незаметно, так как
сходство цветов позволяет скрыть
кровь.

ПЛУТАРХ

БЕЛАЯ ЕЛЬ

АЛАТСКАЯ ЛЕГЕНДА

ПРОЛОГ

F. Schubert. Serenade¹

«Шел 328 год Круга Молний, когда Виктор-Антониан, король агаров и алатов, усомнился в верности господря нашего Матяша Медвежьи Плечи и решил укрепить союз с Алатом посредством брака племянницы своей Анны-Паолы-Рафаэлы и Миклоша, старшего сына и наследника господря нашего...»

*Хроника монастыря
Святого Ласло Алатского*

1

Миклош осадил жеребца, любуясь на белый дворец у реки, такой непохожий на суровые алатские крепости. Любопытно, какова живущая там девица, которую, если все сладится, придется называть женой? Кошки б разодрали агарисских святош, выдумавших и навязавших добрым людям законный брак. В былые времена мужчине, чтоб обзавестись наследником, не требовалось привязывать себя к одной-единственной женщине. Старые боги ценили кровь, а не слова, любовь, а не браслет, что запросто может оказаться кандалным.

---

¹ Франц Шуберт. Серенада.

Вера Камша

— Красивые места, — Янош, побратим алатского наследника и знатный весельчак, с нескрываемым удовольствием глядел на цветущую равнину, — если б не агары, цены бы не было.

— Ты этого только при хозяевах не брякни, — хмыкнул Миклош. — Мы сюда не за яблоками приехали, а за агарийкой.

— Да помню я, — отмахнулся Янош. — Только из змеюки птичку не сделать. Мало в Алати красоток, чужачка занадобилась.

— Красоток и впрямь много, — согласился наследник, — на всех не женишься, а с чужачкой никому обидно не будет. И потом, ты же сам знаешь...

— Знаю. — Лицо побратима сразу поскучнело. В его семье агаров ненавидели даже больше, чем в доме господаря, но сила была на стороне короля и церкви, которой нравилось держать в одной запряжке кошку и собаку. Считалось, что Агария и Алат объединились добровольно. Как бы не так! Сидящий в Крione хитрохвостый агар с двойной короной на плешивой голове спал и видел превратить алатов в баранов для стрижки. Зимой ему стрельнуло в голову привязать дом Мекчеи к Агарии еще крепче. Отцу предложили на выбор — либо отдать в Агарию дочь, либо женить сына на агарийке.

Витязи не торгуют сестрами и дочерьми, а жена — не стена, можно и подвинуть. Господарь при полном согласии семьи и васалов выбрал меньшее из зол. И теперь Миклош должен привезти это зло, которое зовут Анна-Паола-Рафаэла, в свой дом.

Алатский наследник задумчиво подкрутил темный ус и поправил шапку с журавлиным пером.

— Не робей, Янчи, вывернемся. Считай, что мы на охоте.

— Отродясь на мармалюц не охотился, — не смог не огрызнуться Янош. — А, была не была, пересолим да выхлебнем.

2

У Миклоша Мекчеи были черные глаза, дерзкие и веселые. Самые красивые в мире. Рафаэла смотрела в них и не понимала, как жила без алатского рыцаря почти восемнадцать лет. Подумать только, утром она едва не расплакалась, узнав о приезде жениха, а вечером готова идти в Алат пешком через все горы и реки.

— Прекрасная Рафаэла покажет мне сад? — поклонился Миклош, и отец довольно улыбнулся.

— О да, сударь, — пролепетала девушка и поднялась, благословляя родных, заставивших ее надеть лучшее платье — белое с изумрудной, в цвет глаз, отделкой. Миклош тоже улыбнулся

Белая ель

и подал обернутую плащом руку. Вздрыгнула, выронила хрустальный бокал мать, кто-то — Рафаэла не поняла кто — пробормотал «к счастью». Братья громко заговорили о соколиной охоте, Миклош тронул свободной рукой темный ус:

— Если прелестная Рафаэла боится, что роса намочит ее милые ножки, найдется рыцарь, готовый ее нести хоть до Рассветных садов.

Прелестная Рафаэла предпочла идти сама, хотя ноги держали плохо, а голова кружилась, как в детстве, когда она нечаянно хлебнула розового ликера. Миклош что-то говорил, она понимала и не понимала одновременно, потому что главное было в другом, в том, что *он* здесь, рядом. Он нашел ее, а ведь они могли никогда не встретиться. Как страшно!

— Что ответит моя звезда? — требовательный голос прорвался сквозь сияющую стену, отделившую Рафаэлу от ставшего вдруг прошлым мира. — Могу ли я надеяться?

На что? От нее что-то зависит, что-то важное для него? Да она отдаст все — сердце, жизнь, душу, только б он не исчез, не рассыпался белыми лепестками, как рыцари ее снов.

— Прелестная Рафаэла молчит, но молчание может значить так много. Оно может убить, а может дать жизнь.

— Что? — выдохнула девушка. — Что я должна сделать?

— Красота не может быть никому должна. — Голос алата стал хриплым, словно он был болен, или это она больна? — Но я воин, я должен знать правду. Если прекрасная Рафаэла велит мне уйти, я уйду. Я смогу жить, смогу сражаться, но мир для меня погаснет.

Она все еще не понимала, только сердце билось часто-часто. Миклош опустился на колено и склонил голову:

— Каков будет приговор?

— Приговор? — пролепетала племянница короля. — Какой приговор?

— Рафаэла отдаст мне свою руку, — рыцарь резко поднял голову, в темных глазах сверкнули золотые искры, — и сердце?

Девушка вздрогнула, лунный свет разбился о шитую золотом перевязь любимого. Из раскрытых окон донеслись звуки лютни — пришел менестрель, тот самый, что пел о любви, победившей саму смерть.

— Одно слово, — потребовал ответа Миклош, — только одно. Да или нет?

— Не здесь, — Рафаэла, поразившись собственной смелости, схватила чужую руку, горячую и сильную, — не здесь. Идем.

Вера Камша

Они почти бежали через белую от ночных маков поляну, а вокруг плясали светлячки, а может, это были звезды? Миклош молчал, но, когда девушка споткнулась, подхватил ее на руки.

— Куда? — спросил алат, и агарийка, не в силах разлепить губы, махнула рукой. Вперед, туда, где заросли были всего гуще, но сквозь них упрямо светила вечерняя звезда.

— Голубка, — шептал Миклош, — белая голубка с зелеными глазами... Моя голубка...

Поляна кончилась, над ними сомкнулись усыпанные невидимыми в темноте колокольчиками ветки, пылающие щеки остудила роса. Сюда музыка не доносилось, но где-то рядом заливался соловей.

— Куда? — повторял Миклош, и Рафаэла, все еще не в силах говорить, показывала.

Заросли барбариса, поляна уже увядших примул, форелевый ручей, живая изгородь, старая акация... Девушка тронула гостя за плечо, не находя нужных слов.

— Это здесь? То, что ты хочешь мне показать?

Это здесь, но как рассказать о повязанной ночью ленте, засыпанном колодце, алой бабочке, предсказавшей счастье?

— Сударь...

— Да?

— Это... это очень старое место. Раньше тут было... были...

— Сюда приходили спутники Прежних? — в голосе Миклоша не было удивления, напротив... — В Алате много таких мест — Вешани, Радица, Сакаци...

— Они и сейчас здесь. — Она не будет иметь тайн, нет, не от супруга — от любимого, единственного, бесценного. — Миклош, я люблю тебя, только тебя и навсегда. Я умру за тебя, я... Ты — моя жизнь, я не верила... Не понимала...

— И я не понимал, — рыцарь сжал ее руку до боли, — не знаю, тут ли те, кто помнит, но кровью своей клянусь: ты будешь со мной счастлива! И будь я проклят во веки веков, если я тебя обману.

— Миклош... Я не предаю тебя, никогда не предаю. Только не тебя!

Это был ее первый поцелуй, и он был таким же, как в балладах. Нет, в четыре, в сорок четыре раза прекраснее. Стена из белых лепестков сомкнулась, отделяя двоих от пиров, разговоров, войн, боли, смерти, старости. Рафаэла смеялась, плакала, шептала что-то безумное и слышала в ответ самые нужные в мире слова, а рядом, захлебываясь от весны и радости, пел соловей.

ЧАСТЬ I

J. Brahms. Ungarische Tänz Nr 8¹

Был у господаря нашего Матяша друг и побратим Пал Кáрои. Небогатого он был роду и незнатного, но мужество и верность витязя вознесли его превыше первейших вельмож. Матяш не раз хотел пожаловать Карои за службу богатые владения, но тот отказывался. Так и шли кони Матяша и Пала рядом, пока в бою с беззаконными гайифскими разбойниками Карои не был тяжело ранен. Смерть пощадила витязя, но он ослеп. Матяш просил друга принять лучшие в Алате виноградники, но Пал сказал, что по воле Создателя он одинок и ему некому оставить богатства. Тогда господарь назначил Пала Карои пожизненным управителем Черной Алата и подарил ему замок Сáкаци и все окрестные земли.

*Хроника монастыря Святого
Ласло Алатского*

---

¹ Иоганнес Брамс. Венгерский танец № 8 ля минор.

Барболка Чёкеи любила петь, а в этот день не петь было невозможно. Особенно на лесной дороге. Близился полдень, внизу, в долине, стояла иссушающая жара, но поросшие буками склоны защищали от зноя.

Дорога была не то чтоб заброшенной, просто в будний день все при деле. Те, кто торопился на торги, проехали утром, остальные — кто в поле, кто на виноградниках, а господа по жаре не ездят, вот Барболка и пела в свое удовольствие. Слышать девушку могли разве что облака да старая собака, увязавшаяся за хозяйкой то ли со скуки, то ли в надежде перехватить в Яблонях пару косточек.

Правду сказать, отправляясь в Яблони к материнской родне, Барболка была зла на весь свет и на отца, пропившего ее монисто и оставшуюся после матери шаль, но долго злиться девушка не умела. Пьяненький родитель и лесная лачуга остались позади, светило солнце, цвела кошачья роза, синие стрекозы гонялись за мухами, и обида куда-то делась. Барболка сошла с дороги, нарвала гвоздики-травянки, соорудила себе венок и поняла, что счастлива, несмотря на папашу и жениха. Хорошего жениха — молодого, красивого, богатого. Фёруш был сыном мельника, Барболка — дочкой спившегося пасечника, за которой приданого — пара черных глаз да косища, хоть на четырех невест дели.

На свой счет девушка не обольщалась, глядеть-то на нее глядели, да женихов у бесприданницы было раз, два да и обчелся. Кто побогаче да повидней, тот или женат, или родители за хвост держат. Когда в Золотую Ночку¹ Фёруш напоил голо drankу молодым вином, мельничиха чуть собственным языком не подавилась, но сын уперся. Или Барболка, или никто. Мельник принял сторону Фёруша, и Барболка надела браслет. Серебряный, с сердоликами, любая обзавидуется. Жаль, папаша его не пропил. Тогда бы от нее все отстали.

Барболка упрямо мотнула головой и запела о веселой малиновке.

---

¹ В Черной Алати лето начинается в **Соловьиную ночь** (ночь Летнего Излома), осень — в **Золотую ночь** (Осенний Излом), зима — в **Темную/Седую ночь** (Зимний Излом), весна — в **Серебряную ночь** (Весенний Излом).

Белая ель

— *Птичка моя птиченька,*

— выпевала пасечница, шагая между серебристыми расписными стволами, —

*где летала,
Птичка моя птиченька, что видала?
Над горами черными я летала,
Молодых охотников я видала,
Платье в золоте у них, кони быстрые,
И летят из-под копыт звезды искрами.
Кони быстрые у них, стрелы острые
И летят из-под копыт искры звездами...*

Это не горе, что она встала на рассвете и выскочила из дома натошак. Это не горе, что ноги начинают уставать, а до Яблонь еще далеко. Это не горе, что ей не в чем идти в церковь, а Феруш носит синюю жилетку и нос у него утиный...

*В синем небе радуга, радуга,
Кони пляшут, радуйся, радуйся!
В синем небе ласточка, ласточка,
Ты целуй меня, целуй ласково...*

Жужа остановилась и тявкнула. Чего это она? Стук копыт за спиной. Всадники, и много, ну да чего ей бояться среди бела дня? Барболка отступила к обочине и обернулась. Так, из любопытства.

Человек двадцать на сытых конях, в ярких доломанах. Не иначе, в замок сакацкий гостевать едут. Рука Барболки метнулась вверх, поправляя венок. Зачем? Они сейчас мимо проскачут, только пыль и останется, а она пойдет дальше. К троюродной тетке и суженому.

Витязи уже совсем близко. Впереди, конь о конь, молоденький парнишка и седой темноусый воин. Наверное, главный. На всякий случай Барболка поклонилась. Конечно, ее не заметят, но мало ли.

Старший придержал коня и что-то велел молодому. Серый жеребец свернул с дороги. Какая богатая сбруя! Галуны на седле лучше, чем у Феруша на праздничной куртке. А уздечка золоченая, не иначе.

— Это ты сейчас пела на дороге? — голос у парня ломался, как у молодого петушка, а глаза были карими, телячьими.